

ЛЮМ: ТКАЦКИЙ СТАНОК

АУДИО-ДРАМА

(Транскрипция)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Атропос
Клотос
Лахезис

} Старейшины Гильдии Ткачей.

Леда Потёртый Ворс
Мыканица
Боббин Потёртый Ворс

} Члены Гильдии Ткачей.

Место действия: Остров Люм, Гильдия Ткачей.

Время действия: осень 8004 года (сцены 1, 2, 3),
осень примерно 8011 года (сцены 4, 5),
осень 8021 года (сцена 6).

ПРОЛОГ

Клотос рассказывает.

Клотос. Это было спустя много лет после прохождения Второй Тени, когда драконы царили в сумрачном небе, и яркие и бесчисленны были звёзды, – тогда человечество снова стало жаждать владычества над природой.

Оружием людей была промышленность, и владели они ею уверенно. Одна за другой пали тайны света и тьмы под напором прогресса. Целые нации уверовали, что нет в мире ничего, кроме мощи их собственного высокомерия.

Конкуренция в те индустриальные дни была жёсткой. Квалифицированный труд ценился высоко. Поэтому мастеровые люди начали объединяться, дабы защищать свои интересы и оберегать свои секреты. Могущество таких профессиональных сообществ росло вместе с числом их членов. Некоторые из них, такие как Кузнецы и Клирики, оказались властителями огромных территорий, возмев и частные армии для защиты оных.

Так началась Эпоха Великих Гильдий – огромных городов-государств, посвятивших себя абсолютному контролю над знаниями, спаянных неумо-

лимыми традициями гордости... и страха. На протяжении жизни нескольких поколений вся коммерция мира оказалась в их руках.

Но не все Гильдии были подобны друг другу в своём честолюбии. Те, кто пряд нити и ткал ткани, желали лишь беспрепятственно предаваться своему ремеслу. Они не касались злободневной политики и предоставляли другим заботы управления и налогообложения.

Поэтому Гильдия Ткачей никогда не достигала блеска Пастухов или Стеклоделов. Круг Ткачей был немногочислен, так как их строгие правила отказывали в членстве любому, чьи родители не состояли в Гильдии. Браки за пределами Гильдии не поощрялись и в конце концов были провозглашены вне закона.

Иноземцы с неприязнью относились к замкнутому в себе сообществу Ткачей. Но их обычаи имели и свои преимущества. Природные таланты членов Гильдии лелеялись и совершенствовались, поколение за поколением, пока величайшие из них не стали ткать полотно такой необычайной красоты, что весь мир дивился их творениям. Товары, отмеченные Печатью Гильдии, шли по высочайшей цене и приносили Ткачам в этот период значительные богатства, которые те накапливали, не привлекая к себе излишнего внимания.

Подобно другим Гильдиям, Ткачи выработали философию жизни, основанную на инструментарии и терминологии своего ремесла. В своих деревянных и металлических приспособлениях они узревали всеобщую истину и вырабатывали умение вплетать тонкие узоры воздействия в выделяемые ими ткани.

Одеяния Гильдии вскоре стали известны и другими особенностями, помимо одной только красоты. Казалось, что некоторые ткани обладали значительной целебной силой. Другие были зачарованы против несчастий.

В конце концов, со временем, искусство Ткачей превзошло границы физической материи. Они оставили лён и красильни своих предков, овладев искусством света и музыки, вплетая новые узоры непосредственно в саму Ткань реальности. Невежды взирали на это мастерство со страхом, считая его колдовством. Многие члены Гильдии подверглись преследованиям. Некоторые были повешены.

Дабы сберечь своё наследие, Ткачи истратили небольшую часть своего богатства на приобретение скалистого острова, удалённого от побережья материка. Они упаковали свои веретена, мотки и челноки и удалились от человеческого общества, чтобы в одиночестве совершенствовать своё искусство.

Затем последовали многие войны и эпидемии. Могучие Гильдии были разрушены. Возвысились другие, ещё могущественнее прежних. Истощённый мир просто забыл о смиренной Гильдии Ткачей, и мало у кого находилась причина посетить их обитель, таинственный остров, ок-

ружѣнный вечным туманом, избегаемый моряками, который на древних картах значился как... ЛЮМ.

СЦЕНА 1

Мыканица подметает пол в небольшой прихожей.
Ветер дует со двора сквозь приоткрывшийся полог.

Леда (входит). Мыканица!

Мыканица. Барышня Леда? Благослови тебя Бог, дитя, ты так рано встала? Что привело тебя сюда?

Леда (решительно, официальным тоном). Я желаю получить аудиенцию у Старейшин.

Мыканица. Посмотри на себя, бледная, как кружево. И руки у тебя дрожат. Присядь-ка. Надо же, встать и прийти одной в такую даль! Если бы я ещё принимала роды, никто бы не дал тебе так быстро подняться на ноги, это уж точно. Так что ты там говоришь? Аудиенцию?

Леда. Мне нужно поговорить с ними. Со Старейшинами. Немедленно.

Мыканица. Со Старейшинами. Понимаю. По поводу?..

Леда. По важному делу. (Оставляет официальный тон.) Пожалуйста, Мыканица.

Мыканица. Аудиенцию. О Господи. (Распахивает большой внутренний занавес.) Подожди здесь. Старая Мыканица тебя проводит.

СЦЕНА 2

Перед нами открывается огромное пространство собора.

Шаги отдают эхом на каменном полу, и ритмический скрежет старого механизма становится всё ближе по мере того, как мы следуем за Мыканицей в Святилище Люма – Ткацкого станка.

Атропос. Не помню, чтобы я вызывал тебя, Мыканица.

Мыканица. Простите меня, Старейшина Атропос. В прихожей барышня Леда. Она просит аудиенции.

Лахезис. Прямо сейчас? Так поздно вечером?

Мыканица. Девушка ещё не оправилась, уважаемая Лахезис. Но она пришла одна.

Отдалённые шаги, и Леда врывается в комнату.

Леда. Я буду говорить.

Мыканица. Леда!

Леда (*подходя ближе*). Старейшины, послушайте меня! Я не могу больше молчать.

Лахезис. Это и так очевидно.

Атропос. Сударыня Леда, мы скорбим при вести о твоей потере.

Леда. Не скорбите обо мне, Старейшина. Сберегите своё сочувствие для того, что ещё осталось от нашей Гильдии.

Атропос. Я не знал, что наша Гильдия нуждается в сочувствии.

Леда. Сколько ещё младенцев должно умереть, прежде чем Гильдия заслужит соболезнование с вашей стороны!

Мыканица ахает.

Лахезис. Не следует так обращаться к Старейшине, девушка.

Леда. Не следует? Тогда подскажите мне нужные слова, Старейшина

Лахезис. Объясните, как мне выразить свой гнев.

Клотос. Не позволяй гневу овладеть собой. Успокойся, дитя. Скажи нам, что тебя беспокоит.

Леда. Наше семя бесплодно, Старейшина Клотос. Слишком долго мы жили по Правилам Гильдии. Большинство наших детей рождаются мёртвыми. Многие из тех, которые выживают, – безнадёжные чудовища. Ряды членов Гильдии уменьшаются; нас осталось менее двух десятков. И всё это во имя Правил, написанных в невежестве, устаревших уже тысячу лет назад!

Лахезис. Тех самых Правил, благодаря которым был получен наш немалый талант.

Леда. Для чего нужен будет этот талант, если не останется никого, кто мог бы его применять?

Атропос. Для того же, для чего и теперь, Леда. Для наполнения Ткани реальности. Это наше единственное предназначение.

Леда. Вы говорите о Ткани реальности, как будто она властвует над нами. Но в Длинном Гобелене рассказывается о временах, когда хозяевами были мы сами. Пожалуйста, Старейшины! В Ткацком станке заключена сила.

Лахезис. Вот оно что. Так ты ищешь силу?

Клотос. Что, по-твоему, должны мы делать с этой силой?

Леда. *Воспользоваться ею!* Прошу вас, Старейшина Клотос. Воспользуйтесь Ткацким Станком, чтобы положить конец нашим страданиям и принести жизнь и здоровье нашим детям. Изменения в Ткани реальности будут незначительными. Любой из нас может сплести нужные нити. Нам не хватает лишь мужества.

Лахезис. Ты требуешь этого ради Гильдии? Или ради себя одной?

Леда (*в замешательстве*). И ради себя, и ради всех.

Атропос. Леда! Ты верно говоришь, что в Великом Люме заключена сила, которую ты ищешь. Верно и то, что наши предки свободно обращались с этой силой. Возможно, они понимали Ткань реальности лучше нас. Или же, что более вероятно, в те простые времена нужные нити было легче ухватить. Это не имеет значения. В настоящее время мы не осмеливаемся вмешиваться в Ткань реальности. Её утончённость ныне превосходит наше понимание. Всё, что мы можем, – это смотреть на исполнение своей судьбы.

Пахезис. Ты просишь чуда, Леда. Но мы не боги. Мы истолкователи.

Леда. Исторкователи? Да вы всего лишь смотрители. Как можете вы пускать на ветер то наследие, за сохранение которого наши предки отдали свои жизни? Ваше благочестивое заламывание рук – насмешка над их верой. Кто теперь Ткач, а кто – ткань, которую ткут?

Атропос. Довольно. Я терпел эту истерику из сочувствия к твоей тяжёлой утрате. Но я не могу допустить выражения богохульства в присутствии самого Люма. Ты вернёшься в свой шатёр и забудешь об этом разговоре. Если я ещё раз услышу что-то подобное за пределами этой палаты, тебя постигнет наказание, которое ожидает любого, кто противится воле Старейшин. Следует ли мне уточнять, что это за наказание?

Леда. Нет, Старейшина Атропос.

Атропос. Тогда иди. (*Мягче.*) И не осуждай нас, Леда. Только Ткань реальности может судить.

СЦЕНА 3

Ночь. Громко свирелят сверчки и ухают совы.

Беспокойные шаги слышатся на дворе, покрытом опавшими листьями.

Позвякивает связка ключей. Мы слышим глухой стук засова и скрип давно не открывавшейся двери. Мы попадаем внутрь и приближаемся к отдающемуся эхом ритму Ткацкого станка Люм.

Леда (*бормоча себе под нос*). Никого. Меня никто не услышит. Никто не узнает. (*Ступая по полу.*) Люм. Сила. Старейшины боятся воспользоваться ею. А я не боюсь. (*Садится.*) Цвета Ткани реальности. Танцующие. Тень радуг. (*Шуршит своей мантией.*) Одна серая нить. Серый сочетается с любым цветом. Он неразличим. Никто не заметит одной серой нити. За работу. Вот весь секрет. Привяжу к концу челнока. (*Начинает работать за Станком.*) Пусть механизм сделает своё дело. Ход, такт, педаль, пауза. Ход, такт, педаль, пауза. Вверх и вниз по сетке. Ты хорошо научила меня, бедная Мыканица.

Музыка сплетаемого волшебства становится всё громче
по мере того, как Леда напевает ритм в унисон механизму.

Ход, такт, педаль, пауза. Ход, такт, педаль, пауза. С этой стороны, с обратной стороны, туда и назад...

Странная музыка достигает кульминации. Занавес распахивается.

Атропос (*вбегая в Святилище*). Сударыня Леда!

Первый крик новорожденного младенца отдаёт эхом в комнате.
Шаги по полу ускоряются.

Лахезис. Слишком поздно.

Клотос. Бедное дитя.

Атропос. Ты осознаёшь всю тягость содеянного тобой?

Леда. Только Ткань реальности может судить, Старейшина Атропос.

Лахезис. Мы не можем оставить такое преступление закона безнаказанным.

Леда. Делайте, что хотите. Ребёнок жив. Я удовлетворена.

Клотос. Отдай ребёнка сударыне Мыканице.

Леда (*передавая младенца Мыканице*). Заботься о нём так же, как ты заботилась обо мне, мой старый друг.

Мыканица (*расстроено*). По-другому я и не могу.

Леда. Я готова.

Атропос. Сударыня Леда, Вы виновны в измене Гильдии. Вы осквернили святость Люма и подвергнули риску исполнение Ткани реальности ради удовлетворения своих собственных эгоистических желаний, в прямом неповиновении Старейшинам.

Жуткий, зловещий звук охватывает Святилище по мере того,
как сплетается магия Старейшины.

Отныне и навечно Вы изгоняетесь из Гильдии Ткачей. Вы никогда не увидите этого ребёнка и никогда не ступите более на этот остров. С этой минуты и до конца своих дней Вы будете странствовать по небесам в полном одиночестве. И да будет Ваш скорбный крик уроком каждому, кто посмеет ослушаться своей судьбы.

Жуткий звук усиливается в ужасном крещендо
и превращается в трепет могучих крыльев. Крик лебедя отдаёт эхом в зале.
Присутствующие охают от удивления и ужаса.

Мыканица. Лебедь. *(Не сдерживая своих чувств.)* По-прежнему прекрасна...

Гордая птица издаёт последний крик и вздымается ввысь.
Большое окно разлетается на осколки, и взмахивающие крылья растворяются в ночи.

ИНТЕРМЕДИЯ

Клотос рассказывает.

Клотос. Мало кто в деревне Гильдии видел в ту ночь, как великая лебедь исчезла за морем. Но вскоре они узнали о неповиновении Леды в Святилище и о страшном наказании Старейшин. Всем было любопытно взглянуть на нового младенца, ребёнка, рождённого не от женщины, но из самого Ткацкого станка, чьё появление на свет было непредсказанным.

Было объявлено, что ребёнка следует растить вне традиций Гильдии до достижения им совершеннолетия семнадцать лет спустя, когда судьба его будет решена Высоким Советом. Старая служанка, Мыканица, согласилась выращивать Дитя Люма как своё собственное. Она дала мальчику имя "Боббин".

СЦЕНА 4

Ночь. Спальня в деревенской хижине.

Мыканица. Боббин! *(Трясёт его.)* Боббин! Проснись, детка.

Маленький Боббин. Мыканица?

Мыканица. Да, золотко. Подымайся.

Маленький Боббин. Ещё темно.

Мыканица. Я знаю, мой маленький. Вставай быстрее и одевайся.

Маленький Боббин. Зачем? *(Зевает.)* Я сплю.

Мыканица. Я хочу тебе кое-что показать на улице. Давай быстрее. Пока солнце не встало.

СЦЕНА 5

Скала, обдуваемая ветром, с которой видно море.

Маленький Боббин. Здесь холодно.

Мыканица. Говорила же я тебе, возьми одеяло. Вот. У меня шаль тёплая.

Маленький Боббин. Я ничего не вижу.

Мыканица. Терпение. Она прилетит. Она прилетает каждый год, с тех пор как ты родился.

Маленький Боббин. А как она выглядит?

Мыканица. Она выглядит... Погоди. Вон там, меж деревьев!

Отдалённое уханье совы.

Нет, нет. Просто сова.

Маленький Боббин. Какая деревня отсюда маленькая. А что вон то за звезда?

Мыканица. Вот эта, яркая? Это утренняя звезда. Ты её можешь даже днём увидеть, если солнце позволит. Смотри, вон там, внизу! Летит низко над водой. Видишь?

Маленький Боббин. Это просто чайка.

Мыканица. Посмотри получше.

Крик одинокой птицы раздаётся эхом над бурунами.

Маленький Боббин *(вскрикивает от удивления)*. Ой!

Мыканица. Лебедь, Боббин. Белая лебедь. *(Сама себе.)* С днём рождения, мой бедный мальчик.

Маленький Боббин. Вот она летит. Смотри, она над нами!

Проносится крик и хлопот больших крыльев.

Она... прекрасна!

Мыканица. Да. По-прежнему прекрасна.

Маленький Боббин. А почему голос у неё такой грустный?

Мыканица. Потому что она одинокая. Гордая и одинокая.

Маленький Боббин. Она улетаёт. Куда она летит, Мыканица?

Мыканица. Я думаю, за пределы Ткани реальности.

Маленький Боббин. А мы можем пойти к ней в гости?

Мыканица. Не подходи к обрыву! Нет, милый Боббин. Те, кто рождены от Ткани реальности, навсегда окутаны её сетью. Туда, куда летит лебедь, мы пойти не можем.

Маленький Боббин *(сонно)*. Мне солнце в глаза светит.

Мыканица. Да ты зеваешь. Пойдём. Домой и в кровать.

ИНТЕРМЕДИЯ

К л о т о с рассказывает.

Клотос. Годы были добры к Боббину Потёртый Ворс. Мальчик рос высоким и стройным, с широкими голубыми глазами, сверкавшими озорством и смекалистостью.

Но Боббин никогда не ходил в школу. Старейшины Гильдии не допустили бы этого. Другим детям говорили, что он полоумный, и те дразнили его с ужасной жестокостью, бросая камни, стоило ему к ним приблизиться. Так, лишённый друзей, мальчик проводил свои дни в одиночестве, прочёсывая побережья в поисках хвороста, исследуя холмы и леса маленького острова Ткачей, пока не стал знать Остров лучше всех остальных.

Старая Мыканица заботилась о Боббине как о своём собственном сыне. Она видела в нём растущее ожесточение и просила Старейшин положить конец его безжалостному изгнанию. Но Старейшины боялись Боббина, и не без причины. Его неожиданное рождение вовлекло Ткань реальности в хаос. Год за годом наблюдали они с растущим дурным предчувствием, как тень апокалипсиса распространяется по полотну Люма. Нить Боббина ткала свою судьбу с неодолимыми последствиями. Ткань реальности распадалась. Никто не знал, как остановить этот распад.

Старейшины никогда не рассказывали Боббину, кто он такой и как он появился на свет. Они молились, чтобы Боббин не смог исполнить своей судьбы, никогда не покинул Остров, никогда не научился мастерству плетения волшебных узоров. Они не подозревали, что обучение Боббина уже началось.

СЦЕНА 6

Внутри деревенской хижины. Рядом уютно потрескивает огонь.

Боббин. Ну давай хоть сегодня не будем, Матушка Мыканица!

Мыканица. Вот именно сегодня. Задвинь занавески, мой мальчик. Сядь у огня. Теперь скажи мне. Сколько всего нитей в узоре?

Боббин *(наизусть)*. Четыре.

Мыканица. Как они называются?

Боббин. Ход.

Мыканица. Это первая.

Боббин. Такт.

Мыканица. Вторая.

Боббин. Педаль. И Пауза.

Мыканица. Хорошо. Теперь посмотрим, помнишь ли ты узор, которому я тебя научила. Сплети его мне.

Боббин неохотно напевает четыре ноты узора. У него не очень хорошо получается.

Цыц! Что за жалкое исполнение. Слушай меня.

Напевает те же ноты, очень нежно и точно.

Теперь ты знаешь, чем другие мальчики в школе целый день занимаются.

Боббин. Наверное, я никогда не научусь ткать.

Мыканица. Вздор. Думаешь, у всех Ткачей от рождения поставлены слух и голос? Нужны годы практики, годы! Сколько, по-твоему, Старейшины занимаются плетением узоров? Почти столько же, сколько и я, а это уже очень много времени.

Боббин. Но с чего мне начинать?

Мыканица. Начнёшь с этого.

Слышится мягкая, насыщенная, гармоничная вибрация, смутно напоминающая музыку.
Похоже на хрустальную гармонику.

Ты знаешь, что это такое?

Боббин *(зачарованно)*. Нет.

Мыканица. Это называется "посох". Наши предки пользовались им как прялкой, чтобы переплести лён в нити. Мы используем его, чтобы вплести музыку и свет в нити воздействия.

Боббин. Дай мне посмотреть.

Мыканица. Возьми посох в руки. Вот так, не бойся. Теперь сплети ещё раз узор, которому я тебя научила. Только первую нить.

Боббин напевает первую ноту, неуверенно и довольно фальшиво.

Мыканица *(прерывая)*. Фальшиво. Сплети её ещё раз, голубчик. В этот раз возьми нить повыше, вот так. *(Показывает.)* Можешь повторить?

Боббин. Думаю, да.

Боббин снова поёт ноту, медленно увеличивая её высоту.

Когда он приближается к "до", посох начинает вибрировать в ответ, пока голос Боббина и гудение посоха не начинают звучать в унисон. Боббин внезапно останавливается, но посох продолжает гудеть ещё несколько секунд.

Боббин *(восторженно)*. Он светится!

Мыканица. Он показывает, что твой тон верный. Попробуй нити такта и педали.

Боббин поёт вторую и третью ноты. Посох послушно гудит.

Мыканица. Ты быстро учишься.

Боббин. А что будет, когда я сплету все четыре?

Мыканица. Что ж, давай посмотрим, а? Дай я сначала закрою вот это...

Мыканица закрывает крышкой стоящую рядом корзину.

Вот так. Слушай внимательно. Тебе надо снова сплести эти четыре нити. Подожди, пока посох засветится, прежде чем переходить к следующей. Когда сплетёшь последнюю нить, укажи посохом на моток пряжи в моей вязальной корзинке.

Боббин. Но ты её только что закрыла.

Мыканица. Правильно. Эти четыре нити образуют Узор Открывания. Ты сможешь поднять крышку этой корзины, даже не касаясь её. Начинай, когда будешь готов.

Боббин. А это не больно?

Мыканица. Немножко шиплет. Помни: нужно сосредоточиться на мотке пряжи *внутри* корзины. Плети.

Боббин снова начинает последовательность из четырёх нот.

Посох гудит в ответ, его звучание отдаёт силой и богатством гармонии.

Сосредоточься. Теперь указывай... Да не на окно же!

Стекло бьётся. Осколки звякают по полу, пока гудение замирает вдалеке.

Где-то залаяла собака.

Боббин. Ух ты.

Мыканица. Тс-с! Задуй свет.

Боббин задувает.

Сиди пока и не двигайся.

Лай собаки замирает вдалеке.

Ладно. Думаю, нас никто не слышал.

Боббин (*размахивает посохом*). А какие ты ещё узоры знаешь?

Мыканица. Дай-ка мне его. Для одного вечера ты уже достаточно наплёл. Ложись теперь спать. Завтра у тебя важный день, и нам обоим нужно будет вставать очень рано.

Боббин. Позволь в этом году я пойду один, Матушка Мыканица.

Мыканица. Один?.. Ладно, полагаю, ты уже достаточно большой. Иди один, Боббин. Я не против того, чтобы поспать подольше на этот раз.

ЭПИЛОГ

Клотос рассказывает.

Клотос. Было ещё темно, когда Боббин проснулся. Тихо, чтобы не разбудить старую Мыканицу, он натянул свою тёплую серую мантию и вышел из дома в предрассветную прохладу.

Вдалеке доносится завывание ветра над скалой.

В темноте тропинка на вершину скалы была крутой и опасной. Лишь волны, бьющиеся внизу о камни, нарушали тишину. Над головой мерцали яркие звёзды.

Когда Боббин достиг вершины скалы, оставалось ещё полчаса до восхода солнца. Он сел под старым кривым деревом и прислонился к нему спиной, ожидая семнадцатого посещения великой лебеди. Не прошло и минуты, как он уже крепко спал.

Перевод на русский язык: Юрий Мелков
Оформление: Фёдор Деревянский, Юрий Мелков